

Особенности гласных фонем и их вариантов в русинском языке в Словакии

КВЕТОСЛАВА КОПОРОВА, АННА ПЛИШКОВА

Kvetoslava KOPOROVÁ, Anna PLÍŠKOVÁ, Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín,
Ústav rusínskeho jazyka a kultúry Prešovskej univerzity v Prešove,
Ul. 17. novembra č. 15, SK-080 01 Prešov
Center for Languages and Cultures of National Minorities,
Institute of Rusyn Language and Culture, Preshov University
E-mail: kkorporov@gmail.com, anna.pliskova@unipo.sk

(Received: 10 May 2018; accepted: 30 August 2018)

Abstract: The codification of the Rusyn language in Slovakia in 1995 created space for linguistic research into individual language levels not only within Rusyn dialects, as was the case in the past (Olaf Broch, Ivan Verchratskij, Georgij Gerovskij, and Vasil' Latta), but also regarding the actual codified language used by Rusyns in Slovakia. Based on earlier results and the research of Vasil' Jabur (one of the codifiers of the Rusyn language in Slovakia, who determined the system of vocalic sounds in standard Rusyn), in this paper, the authors present vocalic sounds and their variations in individual phonological realizations.

Keywords: phonology, standard Rusyn, Slovakia, the system of vocalic sounds, variations of phonemes

Базой для становления системы гласных в русинском нормативном языке стали результаты исследований русинских диалектов такими лингвистами, как Василь Латта, Зузана Ганудель, Юрай Ванько и др. (см. ЛАТТА 1961, ЛАТТА 1964, ЛАТТА 1979–1981, ВАЊКО 2000). Количество гласных в карпатских русинских диалектах от 5 до 8. Общими гласными звуками для всех карпатских русинских диалектов являются: *i*, *e*, *a*, *o*, *y*, причем наличие или отсутствие других гласных – *ÿ*, *u*, *ы* (или всех, или какого-либо из них) является одним из главных дифференциальных признаков фонологической системы этих диалектов. Например, отсутствие фонемы *ы* обнаруживается в говорах сел Остурня, Завадка, Порач, Словинки, Гелцмановце, Черговская Гута, Банске, Жаковце, Гералд, Городиско, Дреница (Шома), Высланка, Ганиговце, Решов, Ренчишов (ГАНУДЕЛЬ–ЛАТТА 1981).

Перед тем как перейти к представлению звуковой реализации гласных, мы немного подробнее остановимся на их описании, потому что именно система гласных фонем русинского кодифицированного языка имеет свои специфические особенности, которыми она отличается от других восточнославянских языков (украинского и русского).

За основу кодификации русинского языка был взят диалект, в котором по мнению большинства авторов действует 7-членная система гласных: *a*, *e*, *u*, *i*, *ы*, *o*, *y*. Это значит, что русинский литературный язык имеет 7 гласных

фонем (каждая со своей отдельной графемой). Однако некоторые исследователи – вспомним, например, лингвиста Василия Ябура – на основе конкретных примеров отмечают, что фонема [и] в некоторых фонетических позициях действует всего лишь как позиционный вариант фонемы [і] (см. Ябур–Плишкова 2004: 150). Главными Василий Ябур приводит такие доводы:

1. Фонема [и] в позиции перед палатальным согласным реализуется как [і], даже в ударном слоге. Ударный слог считается слогом, в котором гласный (как ядро слога) имеет сильную позицию, это значит, что его звуковая реализация является чистой и ясной, без влияний фонетического окружения, например: *відіти* ['víd'ití], *віджу* ['vǐž'u], но *видиш* ['vidiš], *видно* ['vidno].

2. Фонема [и] не реализуется в позиции в абсолютном начале слова.

3. В русинских диалектах в Словакии можем наблюдать обратный переход фонемы [и] в [і] (возвращение *и* к *і*), главным образом в массово заимствованных иноязычных словах в современном языке, например: *біцігель*, *актівіта*, *вердікт*, *класіфікація*, *орігінал*, *система*, *імітація*, *індікація*, *іншітінкт*, *іншірація* и др.

4. Мы обнаружили также другие позиции, в которых [и] переходит в [і]. К примерам перехода [и] в [і] в корне слова можно отнести и такие лексемы, в которых в результате исторической палатализации происходит чередование (например, *крик* – *крічати*, *писк* – *піщати*, *кликати* – *клічеме*), а также переход [и] в [і] в словах перед грамматической морфемой (например, *вісить* – *вісіти*, *горить* – *горіти*, *болить* – *боліти*, *кортить* – *кортіти*, *свербить* – *свербіти* и т. д.). Такой переход принимает и русинская литературная норма, не только в произношении, но и на письме.

5. Укажем также на ряд позиций, с переходом гласного звука /u/ в /i/ на уровне орфоэпии:

а) лексемы с суффиксом *-ище*, например: *ліс* – *лісище* [л'і'сiш'че], *хлоп* – *хлопище* [хло'пiш'че], в которых в результате исторической палатализации консонантов и перед гласным /и/ появляется мягкий консонант: *рука* – *ручище* [ру'чiш'че] (палатализация: *к* > *ч*); *борсуг* – *борсуджище* [борсу'žiш'че] (палатализация: *г* > *дж*); *міх* – *мішище* [мі'шiш'че] (палатализация: *х* > *ш*); *нога* – *ножище* [но'жiш'че] (палатализация *з* > *ж*);

б) во флексии инфинитива глаголов *читати*, *писати*, *робити*, *малёвати* и т. д. в русинских диалектах в Словакии слышно в конце слов скорее /i/, а не /u/, но учитывая так называемый всерусинский аспект, т. е. сближение отдельных вариантов русинского языка, была принята норма писать в конце инфинитива этих глаголов графему *-и*. Однако в орфоэпии допускается произношение /и¹/ или чаще /i/, например: *писати* [пи'сати], *ходити* [хо'дити], *спати* [спати] и т. д. Несмотря на это, лингвисты так и не высказали однозначное мнение в связи с тем, функционирует ли фонема [и] в русинском языке лишь как позиционный вариант фонемы [і], или как самостоятельная фонема, особенно если учитывать частые оппозиции типа: *питу* – *піти*, *пив* – *пів*, *била* – *біла* и др. Данная проблема требует дальнейшего, более подробного исследования.

Самой яркой особенностью системы гласных фонем в русинском языке является факт, что гласная фонема [ы] в нем существует как самостоятельная фонема. Этот архаический древнерусский знак является для русинского языка типичным знаком, отличающим русинскую фонологическую систему гласных не только от системы гласных литературного украинского языка, в котором эта гласная фонема отсутствует, но и от системы гласных русского литературного языка.

В русинских диалектах после палатализации консонантов *ж, ш* сразу произошла их депалатализация, поэтому в некоторых русинских диалектах в отдельных лексемах после *ж, ш* появляется гласный *ы*, например, в спишских диалектах: *шыковный* (норм. *шіковный*), *кошык* (норм. *кошик*), *ножык* (норм. *ножик*) (Ябур–Плішкова–Копорова 2007: 113, 159, 340). Этот специфический знак отличает русинские диалекты и от восточнословацких диалектов, где гласный [ы] также отсутствует, за исключением сотацкого диалекта: [*hyn'a*], [*plynka*], [*koryr'dan*], [*ryn*]. Гласный [ы] в русинском языке относится к гласным верхнесреднего подъема и находится где-то на границе между гласными среднего и заднего ряда. Он отличается и от великорусского [ы] немного более нижней и задней артикуляцией. Максимально ясно произносится под ударением (акцентом) между твердыми согласными звуками, наиболее ярко после задненебных *к, г, з, х*, например: *кый, кыснути, рокы, гынути, ногы, загыбель, мухы, быкы, кыдати, хыжа* и т. д. Фонема [ы] характерна для русинских диалектов в Словакии, а также для русинского литературного языка. Она появляется в различных позициях, о которых будем говорить ниже, при описании консонантной системы русинского литературного языка. Функционирование фонемы [ы] можно доказать на основе фонологических различительных оппозиций, например: *ті – ты, бік – бык, рік – рык, бити – быти, вити – выти, писк – пыск, кіла – кыла*.

Для каждого литературного языка имеет большое значение одинаковое произношение говорящими каждого звука и сочетания звуков в устной речи. Правильным произношением звуков в зависимости от их позиции в слове или в словосочетании занимается орфоэпия. Хотя правила произношения функционируют лишь в устной речи, их соблюдение обязательно для всех говорящих на литературном языке. На произношение гласных и согласных фонем влияют разные факторы. Мы не будем анализировать каждую из них, сосредоточимся только на нарушениях орфоэпических норм, которые пользователи русинского литературного языка допускают в произношении вышеупомянутых гласных наиболее часто.

При слушании произносимых слов и последовательном анализе можно констатировать, что главными причинами нарушения орфоэпических норм литературного языка являются русинские диалекты. Русинский литературный язык молодой, развивается и культивируется, поэтому естественно, что в нем прослеживается влияние соседних славянских языков (из восточнославянских – это главным образом украинский и частично русский, из западнославянских – словацкий и частично польский языки).

К самым частым нарушениям правил произношения гласных, где наиболее часто совершаются ошибки, можно отнести следующие:

1. При произношении гласного [i], который является результатом исторической альтернации из [o] в новозакрытом слоге, нужно помнить то, что стоящий перед ним согласный не подвергается смягчению, например: [n^his] (Р. *носа*), [d^him] (Р. *дому*), [p^hik] (Р. *рока*), но [p^hik] (инф. *речи*), [n^his] (инф. *нести*). Здесь нужно подчеркнуть, что в дополнительных правилах русинского правописания была введена смягчающая функция йотированной буквы *i*, которая является частью системы йотированных графем для передачи звуков [j + a] = *я*, [j + u] = *ю*, [j + e] = *е*, [j + o] = *ѣ*, [j + i] = *ї* (ЯБУР–ПЛИШКОВА 2005: 8–9). Именно последняя из них получила вторую функцию (так, как и остальные йотированные, которые смягчают предыдущий консонант), сигнализирующую мягкость стоящего впереди консонанта (смягчение происходит лишь в случаях, когда *i* образовалось из древнерусского ѣ), например: *dido* [d^hido], *сіно* [s^hino], *тіло* [t^hilo], *хотіти* [x^hotiti] и т. д. Это усовершенствование норм должно было помочь главным образом пользователям литературного языка с территории части так называемых лаборских и маковицких диалектов, которые в своей речи смягчают твердые консонанты в позиции перед *i* < *o*: *n^his* [n^his], *d^him* [d^him], *st^hil* [st^hil]; ср. нормативное: *n^his* [n^his], *d^him* [d^him], *st^hil* [st^hil] и т. д.

2. Гласный [и] произносится как /и^е/ (/и/ с оттенком до /э/), например: *долина* [do^hli^hna], *битка* [bi^htk^ha], *гостина* [gos^hti^hna], *дикый* [di^hkyj], *зима* [zi^hma], *липа* [li^hpa], *сила* [si^hla], *пирогы* [pi^hro^hgy], *тихо* [ti^hcho], *двоими* [d^homi^h], *тремя* [tr^homi^h] и т. д. Иным является произношение /и/ в суффиксе инфинитива глаголов *-ти*, которое можно охарактеризовать как /и^і/. Это произношение осталось от древнерусского инфинитива *-ти* (где было чистое произношение *-ти*). При кодификации русинского языка некоторые лингвисты склонялись к правописанию в инфинитиве глаголов суффикса *-ти* (*ходити*, *робити*), аргументируя фактом, что *i* в данном суффиксе возникло из древнерусского /и/, так же, как /и/ в суффиксе *-ія*. В конце концов, учитывая всерусинский аспект, лингвисты утвердили правописание инфинитива глаголов с окончанием *-ти*, хотя орфоэпическая норма словацких русинов допускает произношение /и^і/ или чистого /и/, например: *писати* [pi^hsati^h / pi^hsati], *ходити* [xo^hditi / xo^hditi^h], *варити* [va^hriti^h / va^hriti]. Обе формы транскрипции являются допустимыми.

3. Гласный [о] произносится максимально ясно (как лабиализованный звук заднего ряда, среднего подъема) под акцентом в конце слова, между твердыми согласными, а также в начале слова, например: *дно*, *молоко*, *воле*, *горбы*, *босый*, *остаток*, *окно*.

До сих пор мы точно определили четыре позиции (см. КОПОРОВА 2012: 23–24), в которых фонема [о] закрывается и произносится как узкое (закрытое) /*ô*/:

1) в позиции перед слогом с гласными верхнего подъема – *i*, *y*: *росіл* [r^hosil], *ню воду* [nju^h vodu];

2) перед мягкими согласными или перед слогом, начинающимся на мягкий согласный: *бой* [bój], *кровать* (ся) [крот'], *потя* [пót'a], *фасоля* [фа'сól'a], *моя* ['mója], *конопля* [кó'нóпл'a] и т. д.;

3) перед билабиальным в [ў]: *вовк* [вóўк], *стовка* ['стóўка], *вовна* ['вóўна], *повный* ['пóўный] и т. д.;

4) перед слогом, в котором уже находятся суженные *ê*, *ô*, например: *коноплі* [кó'нóпл'і], но *конопелька* [конопелька], *морков*, *долов* ['мóркóу / дó'лóу], *болото*, но [w бó'лóт'і], *молоко*, но [w мó'лóц'і] и т. п.

В нашем следующем исследовании мы определили и пятую позицию:

5) перед лабиодентальным в [в]. Мы нашли ряд примеров, где фонема [o] произносится также как суженный вариант [ô], например: *корова* [кó'рóва], *полова* [пó'лóва], *сова* ['сóва], *будова* [бу'дóва], в прилагательных: *цвиклова цава* [цвик'лóва 'ичава], *маковый закручаник* [ма'кóвый закруча'ник], (*в*)*оріхове листя* [вóр'і'хóве 'лист'a] и т. д. В всех этих примерах суженное [ô] находится под ударением. Тогда его суженное произношение является наиболее ясным. Ясное суженное [ô] мы слышим перед лабиодентальным [в] и в безударном слого, и это тогда, когда перед [o] находится мягкий консонант, например: *царёва дівка* [цар'óва д'іўка], *кралёва жена* ['крал'óва же'на], или в женских фамилиях, например: *Коцё – Коцёва* ['кóц'óва], *Гудё – Гудёва* ['гуд'óва], *Ленё – Ленёва* ['лén'óва], *Петё – Петёва* ['пét'óва], *Кузё – Кузёва* ['куз'óва], *Голубок – Голубкова* ['гóлупкóва] и т. д. (КОПОРОВА 2016).

У нас есть и другие примеры, в которых слышится намек сужения. Это не чистое, открытое [o], и не его вариантное произношение, а ясное суженное /ô/, как это слышим в акцентированных слогах. В качестве примеров мы приведем *коваль* [кó'вал'], *ковати* [кó'вати], *сховати* [схó'вати] и т. д. Наиболее слышится разница в произношении последнего примера *сховати* [схó'вати] в сопоставлении с существительным *схованка* ['схóванка], где слог с суженным /ô/ находится под ударением, поэтому его слышим ясно, как суженное /ô/. Такой закон в фонологии известен как закон вокальной гармонизации слога.

Мы обнаружили и позиции перед другими согласными, где произносится суженное /ô/, как позиционный вариант фонемы [o], например, перед согласными *з*, *с*, *л*, *м*, *т* (*позерати* [пóзе'рати], *посидіти* [пó'сид'іти], *поламати* [пóла'мати], *помотати* [пóмó'тати]), но эти позиции требуют более углубленного исследования.

Вторая и четвертая позиции являются действительными и для произношения фонемы [e], которую классифицируем как гласный звук переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный. Это значит, что в вышеупомянутых позициях, кроме первой позиции, т. е. перед слогом с гласными *у*, *і* (примеры: *веду* ['веду], *несу* ['несу], *мету* ['мету], *в пецу* [w 'пецу], *в зеленій* [w зе'леніj]), а также в третьей и пятой позиции, т. е. перед билабиальным [ў] и лабиодентальным [в], она произносится как суженное (закрытое) *e* /ê/, например: *верьба* ['вёр'ба], *купець* [ку'пéц'], *теперь* [тé'пёр'], *на березі* [на'бé-рéz'і], *терня* ['тёрн'a], *в зерні* [w 'зёрн'і], *кешеня* [кé'шén'a], *день* [дén'], *серня*

[‘сёрн’а], плечі [‘плѣчі], черъпати [‘чѣр’пати] и т. д., в отличие от литературного украинского языка, где *e* произносится ясно и в таких позициях, как, например, зерня [‘зерн’а], купецъ [ку’пецъ], терня [‘терн’а].

Примеры произношения гласного /e/ перед билабиальным /ǰ/: *невный* [неўныǰ] и лабиодентальным /v/: *невеликий* [невеликыǰ], *невладный* [невладныǰ]. Промежуточным примером является произношение числительного: *девять* [дѣвѣят’], хотя здесь произношение лабиодентального консонанта [v] немного приближается к билабиальному /ǰ/.

В основном это были позиции, в которых произносятся закрытые (суженные) /ô/, /ê/. У нас встречаются и некоторые другие позиции, но в них прослеживается не явно, суженное ли это произношение, или только частично суженное. Это позиция перед гласным [и] в таких глаголах, как *стелити*, *телити ся*, *передити ся*, *носити*, *водити*, *робити* и под. Здесь не совсем однозначно, слышно ли в произношении чистое, открытое [o], [e], или суженный вариант этих фонем, т. е. /ô/ и /ê/. Ответ на этот вопрос требует более подробного изучения в фонетической лаборатории.

Другим типом нарушения уже не произношения, а правописания являются примеры, когда под влиянием суженного произношения вместо гласного *e* некоторые пользователи пишут *и*, например: *динь* (вместо *день*, потому что в позиции перед твердым согласным произносится чистое *e*: *денный*), *сирня* (вместо *серня*, потому что *серна*), *тирня* (вместо *терня*, потому что *терен*). По аналогии в интенциях закона вокальной гармонизации слога и в таких словах, как *зерня* [зѣрн’а], *купецъ* [купѣцъ], *клинецъ* [клинѣцъ], *печатка* [пѣчатка], *сегинь* [сѣгін’], *реминь* [рѣмін’], *перстинь* [пѣрстін’], *пелевня* [пѣлѣвн’а], *днесь* [днѣс’] пишем *e*, хотя слышим суженное произношение гласного. Конечно, в данных словах нам надо писать *e*, а не *и*, потому что это результат исторических изменений (закон открытого слога, утрата и вокализация еров), которые произошли в языке, сравни: *дѣнь > ден’; *дѣньсь > днесь; *пѣнь > пень и т. д.

Гласный [o] имеет еще один вариант: это [o] с оттенком до [y]. Мы будем его обозначать как /o^y/. Этот вариант слышим в безударном слоге, после которого следует ударный слог с гласным [y], например: *коруна* [ко^yруна], *костура* [ко^yстура], *когут* [ко^yгут] и т. д. Произношение – /o^y/, ибо слышим /y^o/ в некоторых так называемых укающих диалектах в Словакии, например, в ублянском, в таких словах, как: *тютка* [т’у^oтка], *коруна* [ку^oру^oна], *буде* [бу^oде], *капуста* [капу^oста] и т. д.

Что касается дифтонгов, в звуковой системе русинского языка их нет, но существует звуковая реализация сочетаний гласных, которая на них достаточно похожа, например, сочетания [аǰ], [оǰ], [еǰ], [иǰ], [іǰ], [ыǰ], [уǰ], как результат сочетания гласного с билабиальным *v* /ǰ/ (во многих случаях из древнерусского *търт*, *тълт*), например: [жѣўтыǰ] – *жовтый*, [цѣр’кѣў] – *церков*, [праўда] – *правда*, [криўда] – *кривда*, [би^eў с’а] – *бив ся*, [віўц’а] – *вівця*, [ѣбуў с’а] – *обув ся*, [при^eн’із дрыў] – *приніс дрыв* и т. д.

Литература

- БРОХЪ 1900 = БРОХЪ О. *Угрорусское нарѣчје села Убли (Земплинскаго комитата)*. Санкт-Петербург: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1900.
- ГАНУДЕЛЬ–ЛАТТА 1981 = ГАНУДЕЛЬ З., ЛАТТА В. *Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини*. Т. 1. Братислава: Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, 1981.
- КОПОРОВА 2012 = КОПОРОВА К. *Орфоенічна характеристика русинського языка на границі виходославянських і западославянських лінгво-культурних контактів. З основних принципів русинської висловності*. Dizertačná práca. Prešov, 2012.
- КОПОРОВА 2015 = КОПОРОВА К. *Фонетика, фонологія і акцентологія русинського языка*. Пряшів: Пряшівска універзіта, 2015.
- КОПОРОВА 2016 = КОПОРОВА К. З дакотрых правил орфоенії в русиньскім нормативнім языкѹ на Словакії. В кн.: KOPOROVÁ K. (red.) *Dynamické procesy v súčasnej slavistike. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie 3.–4. novembra 2016*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2016. 178–190.
- ЛАТТА 1961 = ЛАТТА В. Фонологические системы украинских говоров Восточной Словакии. В кн.: *Дукля XI*. Пряшів, 1961. 104–110.
- ЛАТТА 1964 = ЛАТТА В. Українська діалектологія і ономастика. В кн.: *Збірник статей АН УРСР*. Київ: «Наукова думка», 1964. 108–116.
- ЛАТТА 1979–1981 = ЛАТТА В. Система наголосу українських говірок Східної Словаччини. В кн.: НОВАК М. (ред.) *Наукові записки*. Ч. 8–9. Пряшів: КСУТ, 1979–1981. 149–155.
- ЯБУР–ПЛІШКОВА 2004 = ЯБУР В., ПЛІШКОВА А. Русинський язык – Пряшівска Русь. В кн.: MAGOCSI P. R. (red.) *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2004. 147–209.
- ЯБУР–ПЛІШКОВА 2005 = ЯБУР В., ПЛІШКОВА А. *Русинський язык в зеркалі нових правил про основні і середні школи з навчанєм русинського языка*. Пряшів: Русин і Народны новинки, 2005.
- ЯБУР–ПЛІШКОВА–КОПОРОВА 2007 = ЯБУР В., ПЛІШКОВА А., КОПОРОВА К. *Русинська лексика на основі змін у правилах русинського языка*. Пряшів: Русин і Народны новинки, 2007.
- ЯБУР–ПЛІШКОВА–КОПОРОВА 2015 = ЯБУР В., ПЛІШКОВА А., КОПОРОВА К. *Граматика русинського языка*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2015.
- DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ 2001 = DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ J. *Kapitoly zo slavistiky*. Prešov: FF–PU, 2001.
- GEROVSKIJ 1934 = GEROVSKIJ G. *Jazyk Podkarpatské Rusi*. In: *Československá vlastivěda III. Jazyk*. Praha: Sfinx, 1934. 460–517.
- KRÁĽ–SABOL 1989 = KRÁĽ Ā., SABOL J. *Fonetika a fonológia*. Bratislava: SPN, 1989.
- VANKO 2000 = VANKO J. *The Language of Slovakia's Rusyns / Jazyk slovenských Rusínov*. New York: Columbia University Press, 2000.